
С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

А. ГРЕФ

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ИДЕОЛОГИЯ?

Рец. на кн.: Grube F. Menschenrechte als Ideologie – Die Rolle der Menschenrechte bei der Legitimation militärischer Interventionen. – Baden-Baden: Nomos, 2010. – 408 S.

С момента завершения «холодной войны» характер военных интервенций претерпел существенные изменения. Это выразилось, в том числе, в увеличении количества операций ООН в рамках программ по поддержанию и установлению мира. Однако более заметные отличия наблюдаются в целях и задачах военного вмешательства. Если в контексте биполярного миропорядка борьба за сферы влияния и поддержка «товарищей» по идеологии за рубежом были достаточным обоснованием для аргументации позиций как СССР, так и США, то после завершения биполярного противостояния схемы легитимации военных интервенций изменились. На смену идеологической аргументации пришли требования повсеместной защиты универсальных прав человека.

В тоже время практики целенаправленного использования тематики прав человека для создания легитимной почвы для вооруженных интервенций остаются недостаточно изученными. Исследовательский «пробел» в этой области восполнил Фалко Грубэ в своей диссертации, защищенной в 2010 г. в Университете имени Отто фон Герике города Магдебурга. Автор задается вопросом, как различным политическим акторам удастся использовать проблематику прав человека, в частности их нарушения, для того, чтобы

сформировать определенное отношение к военным вмешательствам и тем самым добиться их легитимации. С этой целью Грубэ исследует «институционализированные», т.е. одобренные мандатом ООН интервенции до и после войны в Косове (Ирак – 1991 г., Югославия, Сомали, Гаити – 1994 и 2004 гг., Руанда, Восточный Тимор, Сьерра-Леоне, Конго, Либерия, Берег Слоновой Кости, Бурунди, Судан).

Одна из глав исследования отведена трем военным операциям, осуществленным без мандата ООН на основе односторонних действий (Косово, Афганистан, Ирак). Другая глава рассматривает третью войну в Персидском заливе, на примере которой автор иллюстрирует идеологизацию прав человека с использованием риторики «столкновения цивилизаций» Хантингтона.

Подробный анализ и оценка обширного эмпирического материала, а также удачно выбранный теоретический подход заслуживают позитивной оценки. Теоретическая модель была разработана в весьма содержательной второй главе диссертации, посвященной анализу современных дискуссий конструктивистов о взаимодействии акторов и структуры (Actor-Structure Debate) в международных отношениях. Грубэ использует в своей работе основные понятия, введенные в научный оборот основоположником конструктивизма в международных отношениях Николасом Онуфом, трудам которого уделяется недостаточно внимания в российском научном дискурсе.

Грубэ утверждает, что большинство политологических и правовых исследований вооруженных интервенций предлагают одностороннее толкование противоречий между легитимностью и легальностью интервенций, основанное на признании аргументов защиты прав человека как повода для военного вмешательства. Юристы рассматривают подобные действия с точки зрения соответствия международному праву и объявляют их либо легальными, либо нелегальными. Политологи же пытаются придать действиям легальность с помощью морального обоснования проводимой политики (т.е. посредством достижения легитимности).

В противовес подобной позиции, Грубэ указывает на социальную природу легитимации, которая в то же время является неотъемлемой составляющей любого политического действия. В своей аргументации он исходит из комплексно-диалектического отношения системы норм и социальной реальности: нормы явля-

ются как частью социального взаимодействия, так и его результатом. С одной стороны, они распределяют наличные ресурсы и таким образом создают иерархию. С другой стороны, однажды приведенные в исполнение, политические действия могут стать импульсом к формированию новых нормативных убеждений, как это, например, произошло в результате войны в Косове.

Критический конструктивистский подход позволяет Грубэ разрешить противоречие между правом и моралью на теоретическом уровне, так как и право, и мораль являются предметом социального конструирования. При этом подход автора отличается от других теоретических моделей тем, что он не основан на попытках установить легитимность гуманитарных интервенций, но стремится к тому, чтобы исследовать их в процессе становления. Акцент на социальные действия и практики позволяет автору исследовать влияние единичных норм (норм интервенции) на изменение смежных социальных институтов. При этом институты описываются также как комплекс норм, которые не представляют собой «онтологические единицы», а остаются изменчивыми. В завершении теоретической главы автор приводит определения таких понятий, как «институты международного права», «права человека», «гуманитарные интервенции», «легальность», «легитимность», «легитимация и идеология».

Следует отметить, что с точки зрения конструктивизма это проблематично, так как в рамках этой парадигмы любое понятие может быть определено лишь в практике его применения. Несмотря на то что Грубэ признает существование этой дилеммы, ему не удается ее разрешить.

По мнению автора, права человека сами по себе могут быть рассмотрены как идеология, так как с их помощью конструируются различные картины мира. Более того, проблематика прав человека применяется как источник легитимации военных интервенций. Несмотря на использование метатеоретического подхода к определению идеологии, в рамках которого она представляется как набор правил и норм, определяющих мировоззрение, Грубэ отмечает, что важным для него является не релятивизм прав человека, но критическое рассмотрение воспринимаемых непоколебимыми убеждений в области международных отношений. Весьма обширная и глубокая теоретическая часть работы несколько кон-

трастирует с последующим эмпирическим исследованием, которое в недостаточной степени отражает теоретическую модель автора.

Институционализированные гуманитарные интервенции иллюстрируют расширение понимания «угрозы миру» с помощью практики Совета Безопасности ООН. Если до 1990–1991 гг. «угроза миру» в соответствии со ст. 39 Устава ООН применялась только по отношению к межгосударственным конфликтам, то сегодня под эту статью попадают и массовые нарушения прав человека, даже если они не выходят за рамки границ одного государства. Нужно отметить, что установление угрозы миру на этой основе не является элементом «обычного права», на что не раз указывает Грубэ, но остается эксклюзивным правом Совета Безопасности. Только СБ, в рамках Устава ООН и в соответствии с седьмой главой, может принимать решение о том, как международное сообщество должно реагировать на массовые нарушения прав человека в каком-либо государстве.

Неинституционализированные гуманитарные интервенции (Косово, Афганистан, Ирак) анализируются в два этапа: за описанием обстоятельств интервенции следует анализ их легитимации с точки зрения правового позитивизма и норм естественного права. По мнению автора, во всех трех случаях обоснование интервенций с точки зрения правового позитивизма невозможно. Затем рассматривается интерпретация интервенций с помощью естественного права, которая расценивается автором как признак идеологизации прав человека, так как аргументы, сосредоточенные на *bellum iustum* (концепт справедливой войны), акцентируют формат «друг – враг» и проводят различие между «цивилизованным» и «нецивилизованным».

Несколько неожиданным стал подробный экскурс в концепт «столкновение цивилизаций» Самуэля Хантингтона в шестой главе. Грубэ пытается проиллюстрировать его применение на примере практики обоснования интервенций США. В качестве эмпирических доказательств Грубэ использовал речи президента США после 11 сентября и Национальную стратегию безопасности 2002 г. Тем не менее официальные обоснования войны в Ираке последовали лишь годом позднее. Именно поэтому вывод о том, что инсценировка и легитимация войны в Ираке несомненно являются примером «столкновения цивилизаций», представляется недостаточно обоснованным.

Несмотря на эти несущественные эмпирические неточности, работа Грубэ заслуживает высокой оценки, так как отличается исчерпывающим анализом неинституционализированных гуманитарных интервенций и глубокой аргументации их легитимации. Однако, на наш взгляд, сокращение количества институционализированных интервенций не повлияло бы на репрезентативность результатов исследования. Также необходимо отметить, что предварительные выводы могли бы быть несколько более подробными и более обоснованными с точки зрения безукоризненно разработанной теоретической базы.

В заключительной главе Грубэ констатирует амбивалентность прав человека. Она, по его мнению, заключается в том, что в рамках современной системы международных отношений их идеологизация является необходимой для того, чтобы использовать моральные обоснования для защиты прав человека, так как международное право не содержит исчерпывающих обоснований для этого. Вместе с тем посредством идеологизации права человека как правовая идея размываются, так как они не могут более быть отделены от других идеологий, которые пропагандируют собственные представления о «верном» и «неверном». Кроме того, идеологизация приводит к ослаблению международных принципов по защите от насилия, как, например, ст. 2, п. 4 Устава ООН.

В завершении Грубэ приходит к выводу, что существующее международное право ограничивает международную защиту прав человека там, где затронуты интересы суверенитета других государств. В этом смысле идея Ханны Арендт, что в современной системе права человека как таковые не существуют, будучи замененными правами граждан, является верной. Эта идея находит отражение и в работе Грубэ, так как, по его мнению, эффективная защита прав человека может существовать лишь в том случае, когда права личности (а не гражданина) станут структурно-образующим принципом международных отношений.